
В.С. Нефедов

СМОЛЕНСКОЕ ПОДНЕПРОВЬЕ И ПОДВИНЬЕ
В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Смоленское Поднепровье и Подвинье — это особый историко-культурный регион, занимающий северо-запад современной Смоленской области. В XI–XIV вв. здесь находилось территориальное и политико-административное ядро Смоленского княжества, а в предшествующий период (конец IX — начало XI в.) регион являлся одним из главных очагов формирования Древнерусского государства. В конце I тыс. по этой территории проходил стратегически важный и очень трудный в эксплуатации участок «Пути из варяг в греки», там же расположен знаменитый Гнездовский археологический комплекс X — начала XI в., включающий в себя остатки первоначального Смоленска. Тем не менее, письменные источники крайне скупо освещают историю Смоленска и его округа в эпоху образования Древнерусского государства. Поэтому археологические и нумизматические данные являются основными источниками по проблеме раннего политогенеза в Смоленском Поднепровье и Подвинье и политической истории этого региона в конце I и на рубеже I–II тыс.

Смоленское Поднепровье и Подвинье в IX в. Вначале охарактеризуем в общих чертах этнокультурную и социально-экономическую ситуацию в изучаемом регионе накануне древнерусской эпохи. В IX в. эта территория выглядит однородной в этнокультурном отношении, представляя собой восточную часть основного ареала культуры смоленских длинных курганов VIII–X вв. (КСДК). Исследователи отождествляют носителей этой археологической культуры с кривичами средневековых письменных источников, поскольку ареал КСДК хоро-

шо вписывается в рамки той территории, на которой жили кривичи по данным «Повести временных лет» и сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей»¹. По нашему мнению, носители КСДК (кривичи) — это группировка восточных славян, расселившаяся на территории северо-восточной Белоруссии и северо-западной Смоленщины не позднее первой половины VIII в. В IX в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье существовала устойчивая система расселения, основанная на ранних формах пашенного земледелия². Ее элементарной ячейкой является комплекс типа «селище — курганный могильник».

В Смоленском Поднепровье и Подвинье пока не удается уверенно выделить какой-либо «племенной центр» или «центры» носителей КСДК, особенно если понимать под таковыми археологические комплексы, включающие укрепленные поселения. Выразительных материалов КСДК на многочисленных городищах Смоленщины не обнаружено, хотя есть данные об эпизодическом использовании этим населением некоторых «городков» более ранних эпох, вероятно, в качестве убежищ. В частности, нет никаких оснований утверждать, что Смоленск возник как «племенной центр» кривичей (понимая под ними носителей КСДК), поскольку ни в Гнездове, ни тем более в историческом центре современного города нет культурного слоя или отдельных комплексов, относящихся к этой культуре. Гнездовский археологический комплекс всецело связан с ранним этапом древнерусской культуры и не имеет прямого отношения к культуре смоленских длинных курганов. К сказанному следует добавить, что материалы погребений КСДК не позволяют охарактеризовать кривичское общество как стратифицированное. Тем не менее, некоторая имущественная дифференциация внутри общин этого населения, по-видимому, имела место: на общем фоне выделяется ряд сравнительно «богатых» погребений с редкими привозными украшениями и даже изделиями из серебра (например, курган 2 в могильнике Цурковка³).

В VIII–IX вв. Смоленское Поднепровье и Подвинье отнюдь не бы-

---

¹Шмидт Е.А. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М., 1968. С. 224; Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М. 1990. С. 3–4, 151.

²Нефедов В.С. Данные о системе земледелия культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1996. Вып. 10.

³Шмидт Е.А. Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском районе // СА. 1958. № 3; Нефедов В.С. О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов //

ло изолированным регионом. Выделяется два основных направления внешнеэкономических связей местного населения. Одним из них, вероятно, являлось «широтное», которое связывало Смоленщину через Среднее Подвинье (где жило то же самое население) с Юго-Восточной Прибалтикой, прежде всего с Латгалией. По этому, условно говоря, Двинскому пути к смоленским кривичам, как можно предполагать, привозили различные украшения из медных сплавов, особенно массивные литые гривны, браслеты и др. Не исключено, что эта торговля распространялась и дальше на восток, в бассейн Оки. Другим важным направлением внешней торговли было «юго-восточное», которое связывало Смоленское Поднепровье с северными районами Хазарского каганата⁴. Оттуда на территорию Смоленщины (возможно, при посредничестве родственного носителям КСДК роменского населения) поступали различные украшения, детали костюма и конской сбруи из медных сплавов, а также стеклянные бусы и, возможно, в небольшом количестве серебро. Можно утверждать, что территория северо-западной Смоленщины являлась периферией зоны экономических интересов Хазарского каганата.

Материалы раскопок смоленских длинных курганов показывают, что привозные изделия распространены в изучаемом регионе повсеместно и довольно равномерно. Это свидетельствует о существовании уже во второй половине VIII — первой половине IX в. развитой сети внутренних путей сообщения и о тесных связях между поселениями смоленских кривичей.

Имеются единичные, но достаточно надежные данные, позволяющие утверждать, что скандинавы проникли в Днепро-Двинское междуречье (но не на левобережье Днепра) и начали там селиться уже в IX в. Известно по крайней мере одно достоверное скандинавское погребение IX в., раскопанное в курганном могильнике Шишкино (Городок) на р. Царевич в бассейне Днепра. Найденные в нем равноплечая фибула, бронзовые пуговицы салтовского круга и набор стеклянных бус подтверждают именно такую датировку комплекса⁵. Еще одним важным источником является широко известный клад у д. Кислая, найденный на селище, культурный слой которого содержит в том числе керамику КСДК. В состав клада с младшей монетой 837/838 г. входил

Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат-лы науч. семинара. 1996–1999. Псков, 2000. С. 192–195.

⁴Нефедов В.С. Салтовские древности в смоленских длинных курганах // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2002. № 17.

⁵Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб., 2010. С. 502, 505.

так называемый полубрактеат Хедебю⁶, что указывает как минимум на участие скандинавов в формировании этого сокровища, которое, очевидно, поступило в бассейн р. Каспля откуда-то с севера. На сегодняшний день это единственный клад IX в., известный в изучаемом регионе. Можно предположить, что первые группы скандинавов, проникавшие в Днепро-Двинское междуречье и пытавшиеся (иногда успешно) закрепиться там надолго, привлекала не столько перспектива дальнейших вояжей на юг Восточной Европы и в Византию, сколько возможность включиться в торговлю местного славянского населения с Хазарским каганатом.

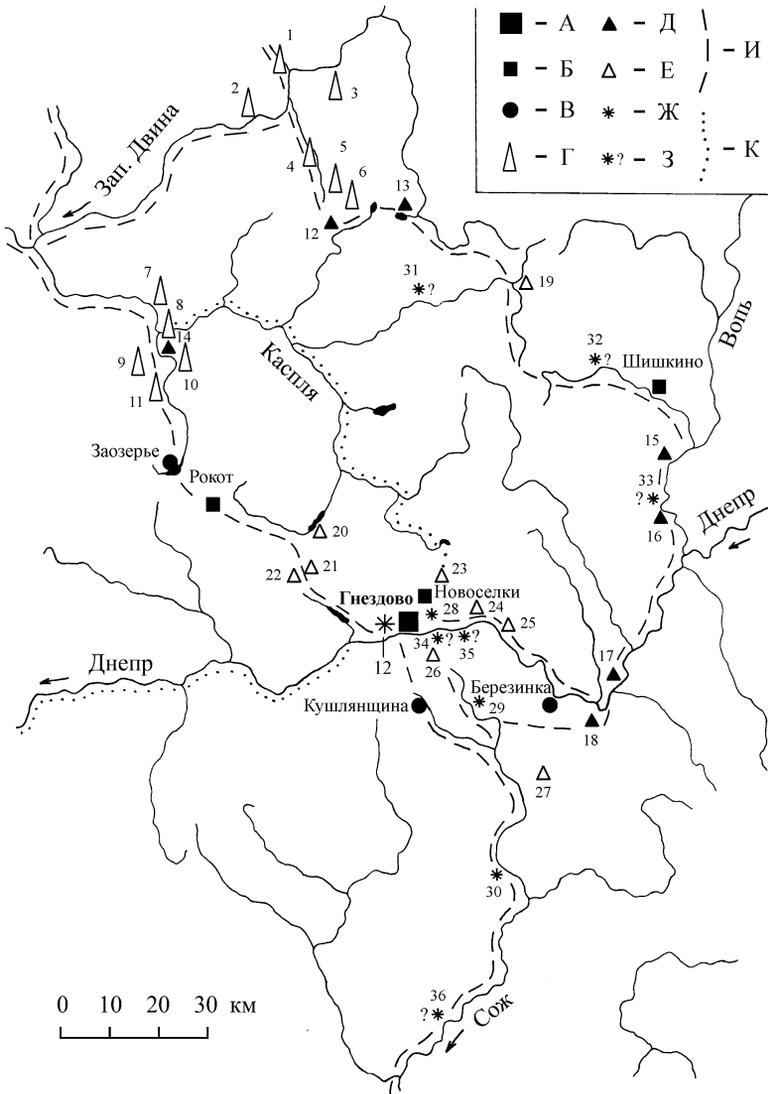
Первый этап политогенеза: конец IX — середина X в. (Рис. 1). В конце IX — начале X в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье начала формироваться археологически фиксируемая инфраструктура транзитных военно-торговых коммуникаций, которые входили в систему «волокового» участка «Пути из варяг в греки». Несомненно, эта сеть коммуникаций складывалась на основе внутренних путей сообщения, существовавших в VIII–IX вв.

При реконструкции конкретных маршрутов транзитных водно-волоковых путей необходимо учитывать несколько признаков⁷. Во-первых, маршруты должны быть органично вписаны в синхронную систему расселения, т. е. на них должны находиться археологические памятники конца I тыс., расположенные не реже, чем в 20–30 км друг от друга (расстояние, не превышающее дневного перехода). Не менее важно, когда населенные пункты маркируют наиболее трудные участки путей: концы сухопутных «волоков», порожистые участки рек и т. д. Во-вторых, археологические материалы поселений и могильников, расположенных на путях, должны содержать свидетельства участия жившего там населения в международной торговле и/или присутствие в его составе инокультурных компонентов. В-третьих, маршруты путей должны маркироваться не только археологическими, но и нумизматическими памятниками — кладами и отдельными находками монет.

Учет совокупности указанных признаков позволяет выделить в Смоленском Поднепровье и Подвинье три основных маршрута военно-торговых путей конца IX — начала XI в.: два в Днепро-

⁶Шмидт Е.А. Раскопки в Смоленской области // АО 1968 года. М., 1969. С. 63; *Наханетян В.Е., Фомин А.В.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // ДГ. 1991 год. М. 1994. С. 146, 184.

⁷Лесман Ю.М. «Из Варяг в Греки»: хронологические варианты пути // Староладожский сборник. Санкт-Петербург; Старая Ладога, 2003. Вып. 6. С. 55–57.

Двинском междуречье и один на левобережье Днепра. Ниже приводим их краткое описание с севера на юг.

1. Р. Усвяча — р. Западная Двина — р. Каспля — р. Рутавечь — волок — р. Клец — р. Удра — р. Лелеква — волок — оз. Купринское — р. Катынка — вверх по Днепру до Гнездова. На этом пути находятся, в частности, крупные скопления памятников конца I тыс. в районе впадения Рутавечи в Касплю и по берегам оз. Купринского — р. Катынка, древнерусские курганы с трупосожжением на р. Лелеква (Волоковая, Гончаренки), а также крупные археологические комплексы Заозерье и Рокот, расположенные на концах волока из оз. Большая Рутавечь в верховья р. Клец.

2. Р. Западная Двина — р. Сертейка — «цепочка» озер и мелких речек в верховьях рек Половья, Ельша и Гобза — волок — р. Царевич — р. Вось — вниз по Днепру до Гнездова. Этот путь изобилует памятниками конца IX — начала XI в. Отметим скопления памятников в Смоленском Поозерье и верховьях Гобзы (в том числе Шугайлово, Слобода (Пржевальское), Рибшево, Русаново (Буризы)), археологический комплекс Шишкино (Городок) на р. Царевич, несколько крупных могильников этого времени по нижнему течению р. Вось (Михейково, Сельцо, Мизиново) и на Днепре между устьем Вопи и Гнездовым [Лопино (Шутовка), Маркатушино, Колодня и др.]. С этим же маршрутом связаны находки кладов восточных монет: Жигулино, Ярцево, Смоленск, Верхне-Ясенная (не датированы).

3. Р. Днепр — р. Сож с несколькими вариантами перехода из одной реки в другую. Два из них начинались на Днепре в районе Гнездова:

Рис. 1. Смоленское Поднепровье и Подвинье в конце IX — середине X в.

А — раннегородской центр; Б — древнерусские «локальные» центры 2-го ранга; В — гипотетические «локальные» центры 3-го ранга; Г — сопковидные курганы: 1 — Горяне, 2 — Смоленский Брод, 3 — Малый Оступ, 4 — Балбаи, 5 — Черная Грязь, 6 — Бакланово, 7 — Шарки, 8 — Силуяново, 9 — Боярщина, 10 — Бор, 11 — Заики; Д — селища / могильники КСДК: 12 — Шугайлово, 13 — Слобода (Пржевальское), 14 — Ковали, 15 — Михейково, 16 — Сельцо (Ярцево), 17 — Лопино (Шутовка), 18 — Арефино; Е — древнерусские селища / могильники: 19 — Русаново (Буризы), 20 — Пилички, 21 — Волоковая, 22 — Гончаренки, 23 — Дивасы, 24 — Вязовенька, 25 — Колодня, 26 — Боровая, 27 — Ямполье; Ж — клады с датированными монетами: 28 — Дубровенка (954–961 гг.), 29 — Сож (952–955 гг.), 30 — Борисково (940/941 г.); З — клады восточных монет не датированные: 31 — Городище (Вержавск), 32 — Жигулино, 33 — Ярцево, 34 — Верхне-Ясенная, 35 — Смоленск, 36 — Стайки; И — главные маршруты военно-торговых путей; К — второстепенные маршруты военно-торговых путей.

а) Днепр — р. Лубня (впадает в Днепр напротив Ольшанского комплекса в Гнездове) — волок — р. Мошна — р. Сож; б) Днепр — р. Боровая или р. Ясенная — волок — р. Сож. Эти маршруты маркируются, в частности, такими памятниками в верховьях Сожа и при переходе из Сожа в Днепр, как Боровая, Кушлянщина, Сумароково, Горяны, Кошино, Княжое, Светлое и др., а также кладами восточных монет: Сож (952–955 гг.), Борисково (940/941 г.), Барсуки (990-е гг.), Верхне-Ясенная, Стайки (не датированы). Очевидно, существовал еще один переход из Днепра в Сож, начинавшийся значительно выше Гнездова: в) Днепр — р. Ливна или р. Арефинка — волок, примерно совпадавший с трассой Ельнинского тракта XVIII–XIX вв. — р. Сож в районе Сумарокова. На этом маршруте известно несколько памятников конца I тыс., среди которых Плескачи (Станьково), Арефино, Акулы (Пуятинки), Яново, Березинка. Возможно, эта дорога шла от верховьев р. Ливна не только на запад, к Сожу, но и на восток, к истокам рек Десна и Угра.

Кроме перечисленных маршрутов, на севере изучаемого региона уже в X в. проходил Двинский путь, шедший в широтном направлении собственно по р. Западная Двина. Его существование выше г. Витебск достаточно надежно обосновал И.И. Еремеев⁸, хотя достоверные памятники конца I тыс. на этом участке реки единичны. Что же касается традиционно фигурирующих в историографии путей по Каспле (от оз. Каспьянское вниз по течению реки) и по Днепру ниже впадения в него р. Катинка, то их стабильное функционирование в конце I тыс. вызывает серьезные сомнения по причине практически полного отсутствия на них памятников этого времени. Незаселенность верхнего и среднего течения Каспли, а также бассейна р. Березина и примыкающего поречья Днепра в Смоленской обл. в VIII–X вв. объясняется наличием там обширных водно-ледниковых равнин с неплодородными почвами, неблагоприятными для ранних форм пашенного земледелия. Ситуация осложнялась тем, что, например, среднее течение Каспли изобиловало различными препятствиями для судоходства — порогами, каменными грядами и т. д., большинство из которых было ликвидировано только в 1825 г. при расчистке русла реки⁹. Вместе с тем, несмотря на отсутствие археологически фиксируемой инфраструктуры обоих маршрутов, они все же могли эпизодически использоваться в качестве второстепенных транзитных коммуникаций. В частности,

⁸Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии. С. 348–352.

⁹Военно-статистическое обозрение Российской Империи. СПб., 1852. Т. VIII. Ч. 2. Смоленская губерния. С. 28.

о наличии дороги, подходившей к Гнездову с северо-востока, свидетельствует скопление памятников конца I тыс. в верховьях р. Дубровенка, включая археологический комплекс Новоселки и клад у д. Дубровенка (954–961 гг.). Они могут маркировать путь: р. Каспля — р. Жереспея — р. Лушенка — волок — р. Дубровенка — р. Днепр; вариант: р. Дубровенка — волок — Гнездово. Именно на этом гипотетическом маршруте (на р. Жереспея) найден упоминавшийся клад IX в. у д. Кислая.

Судя по имеющимся данным, в процессе формирования инфраструктуры транзитных коммуникаций, начиная с конца IX — начала X в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье постепенно сложилась особая раннегосударственная структура, которая имеет определенные археологические признаки. Кратко охарактеризуем основные из них.

Система расселения в изучаемом регионе не позднее в первой половине X в. приобрела иерархическую структуру, содержащую как минимум 3 или 4 уровня. Верхний уровень иерархии занимает древнерусское раннегородское поселение в восточной части Гнездовского археологического комплекса — так называемый Центральный комплекс памятников, представляющий собой остатки первоначального Смоленска. Именно с Центральным гнездовским городищем уместно связывать упоминание «крепости Милиниска» в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей»¹⁰. На протяжении X — начала XI в. это было единственное поселение городского типа в Смоленском Поднепровье и Подвинье. В системе основных путей сообщения и их инфраструктуры особая роль Гнездовского комплекса заключалась в первую очередь в том, что он являлся главным узлом этих путей. Этим обстоятельством определялось не только важнейшее значение Гнездова как главного центра раннего древнерусского населения, но и особенности его структуры и топографии. Действительно, весь комплекс вытянут примерно на 6 км вдоль Днепра как главной коммуникационной артерии и одновременно вдоль сухопутной дороги, шедшей по правому берегу реки. Входящее в состав комплекса Ольшанское поселение, по-видимому, контролировало переправу через Днепр к устью р. Лубня, по которой можно было легко попасть в бассейн р. Сож.

Следующий (второй) уровень представлен ранними древнерусскими торгово-ремесленными и военно-административными центрами меньшего масштаба, известными пока только в Днепро-Двинском

---

¹⁰ *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991. С. 45.

междуречье. Это археологические комплексы Новоселки, Рокот и Шишкино, состоящие из городища, селища (в Рокоте это укрепленный «окольный город») и курганного могильника¹¹. Во всех трех случаях городища возникли в более ранние эпохи, причем в Новоселках и Шишкине, в отличие от Рокота, они использовались в конце I тыс. только как убежища и наблюдательные пункты, а население жило у их подножий на неукрепленных поселениях. Площадь селища в Новоселках составляет около 5–6 тыс. кв. м (возможна корректировка в сторону увеличения), городища Рокот и селища Шишкино — около 1,5 га. Материалы исследований этих археологических комплексов дают возможность охарактеризовать их население как полиэтничное, включавшее носителей КСДК и ярко выраженную военизированную скандинавскую «элику», а их культуру как очень близкую культуре раннего Гнездова. Отсутствие на этих памятниках круговой керамики (в Новоселках и Рокоте есть лепные подражания ей) как будто не позволяет датировать прекращение их существования временем позднее середины — третьей четверти X в.

Возможно, удастся выделить третий уровень иерархии, который могут составлять такие комплексы памятников, как Заозерье, Кушлянщина и Березинка¹². Эти памятники, в отличие от упомянутых выше, возникли (в рамках последней четверти I тыс.) в VIII–IX вв. как поселения КСДК и продолжали существовать в этом качестве в X в. (про Заозерье и Кушлянщину это можно утверждать определенно). Но, вероятно, уже в первой половине X в. на них появляется древнерусское население, включая скандинавов, что получило отражение в материалах соответствующих некрополей. Можно предположить, что какое-то время в X в. кривичи и древнерусское население проживали там совместно. По-видимому, к этим археологическим комплексам могут быть отнесены не только селища и курганные могильники, но

¹¹ Шмидт Е.А. Курганный могильник у пос. Новоселки // Смоленские древности. Смоленск, 2005. Вып. 4; Нефедов В.С. Новосёлки и Гнёздово // XIV конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Архангельск, 2001; Нефедов В.С. Городище Рокот в структуре синхронных поселений Днепро-Двинского междуречья // XV конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М., 2004. Ч. 1; Нефедов В.С. Археологический комплекс IX–X вв. у д. Шишкино (Городок) в Смоленском Поднепровье (в печати); Нефедов В.С., Мурашева В.В. Модель для изготовления поясных бляшек «восточного» облика с городища Рокот в Смоленской области // КСИА. М., 2008. Вып. 222. С. 98–101.

¹² Шмидт Е.А. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков. Смоленск, 2008; Ширинский С.С. Курганы IX — начала XI в. в верховье р. Сож у дд. Кушлянщина и Коцино // Смоленские древности. Смоленск, 2001. Вып. 1. С. 114–133; Ляўданскі А.М. Археалёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губ. // Працы археалёгічнай камііі. Менск, 1930. Т. 2. С. 281.

и городища-убежища второй половины I тыс. со слабо выраженным культурным слоем, расположенные неподалеку от неукрепленных поселений, но не вплотную к ним¹³. К сожалению, эти комплексы, за исключением входящих в них могильников, пока плохо изучены. Не исключено, что первоначально именно они являлись своего рода «локальными центрами» в системе расселения КСДК.

На нижнем уровне иерархии находятся «рядовые» памятники сельского типа, масштабы которых, впрочем, различны. Их можно разделить на три культурные группы, свидетельствующие о неоднородности славянского населения изучаемого региона в конце IX–X в. В первых, это селища культуры смоленских длинных курганов и относящиеся к ним могильники, доживающие до X в. В их числе, кроме упомянутых в предыдущем абзаце, Шугайлово, Михейково, Сельцо, Арефино, возможно также Ковали, Слобода (Пржевальское) и некоторые другие. Ко второй группе, вероятно, относятся самые ранние древнерусские сельские поселения, сопровождаемые так называемыми полусферическими курганами с трупосожжением. Появление «сельских» древнерусских курганов в Смоленском Поднепровье принято датировать концом IX — началом X в.¹⁴, а к наиболее ранним относить те, в которых найдена только лепная керамика — Вязовенька, Пилички, Колодня, Русаново и др. Следует отметить, что лепная керамика в древнерусских курганах Смоленщины не может являться основанием для датировок в пределах десятилетий, поскольку она использовалась на этой территории до XI в. включительно¹⁵, однако, наличие в этом регионе древнерусского сельского населения в первой половине — середине X в. весьма вероятно. Наконец, третья группа памятников представлена высокими насыпями, близкими по размерам и топографии новгородским сопкам. Они концентрируются в двух микрорегионах Смоленского Подвинья: в районе впадения р. Рутаветь в р. Каспля (Шарки, Силуяново, Боярщина и др.) и в междуречье Западной Двины и р. Половья, притока Каспли (Горяне, Смоленский Брод, Малый Оступ, Бакланово и др.)¹⁶. К сожалению, раскопки этих кур-

¹³ Акр. Смоленская область. М., 1997. Ч. 1. С. 73–74, 113; Акр. Смоленская область. М., 1997. Ч. 2. С. 217.

¹⁴ Белоцерковская И.В. К вопросу о полусферических курганах с трупосожжением на территории Смоленской земли // ВМУ. 1975. № 5. С. 28; Енуков В.В. Ранние этапы. С. 115.

¹⁵ Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977. С. 28.

¹⁶ Нефедов В.С. О присутствии северо-западного населения в Днепро-Двинском междуречье в конце I тыс. н. э. (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 225–231; Еремеев И.И. К вопросу

ганов почти не производились, поэтому их невозможно датировать точнее, чем IX–X вв. Исследование остатков сопковидного кургана у д. Горяне позволило И.И. Еремееву датировать его возведение IX — началом X в.¹⁷

Важно подчеркнуть, что практически все рассмотренные населенные пункты в совокупности составляли инфраструктуру транзитных военно-торговых путей в реконструированном нами виде. Они синхронны в рамках периода от конца IX — начала X в. до середины — третьей четверти X в., причем входящие в эту группу древнерусские памятники являются наиболее ранними на изучаемой территории, а памятники КСДК — самыми поздними на Смоленщине. Наличие наблюдаемой в данном случае сложной иерархии населенных пунктов является одним из важнейших признаков потестарно-политической структуры типа сложного вожества или раннего государства¹⁸.

Показательно распределение серебряной монеты и изделий из драгоценных металлов между поселениями, занимающими разные уровни иерархии. В Смоленском Поднепровье и Подвинье известно 15 кладов первой половины — середины X в. и 6 недатированных кладов восточных монет, как минимум часть которых скорее всего относится к тому же периоду. Из 21 клада 12 найдено в Гнездове, еще 3 (Верхне-Ясенная, Дубровка, Смоленск) — в его ближайших окрестностях. Еще более контрастна ситуация с находками отдельных арабских и византийских монет в погребениях и культурном слое поселений: кроме Гнездова, где, по последним данным, найдено около 380 экз.¹⁹, они в настоящее время известны только в археологических комплексах второго иерархического уровня (Рокот — около 10, Новоселки — 2, Шишкино — 1). Разумеется, эти статистические данные не следует понимать буквально, поскольку масштабы раскопок в Гнездове и на синхронных памятниках региона несопоставимы. Однако, обращает на себя внимание тот факт, что раскопки «сельских» могильников конца I тыс., относящихся как к КСДК, так и к древнерусской культуре, пока совсем не дали нумизматических находок.

Серебряные украшения в Гнездове весьма многочисленны (только в составе кладов их около 180, а также несколько золотых), в то время

о южной границе области распространения сопок. Сопки Двинско-Ловатского междуречья // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1999. Вып. 3.

¹⁷ Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки. С. 346–347.

¹⁸ Крадин Н.Н. Вожество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 40–41, 45.

¹⁹ Пушкина Т.А., Стукалова Т.Ю. Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнездова // От палеолита до средневековья. М., 2011. С. 96.

как на других памятниках Смоленщины конца I тыс. они представлены единичными находками. В частности, среди инвентаря смоленских длинных курганов конца IX–X в. известно всего 5 серебряных украшений, в основном сделанных из низкопробного серебра, причем в древностях этой культуры их число не увеличилось по сравнению с VIII–IX вв.

Эти данные напрямую доказывают колоссальную степень концентрации материальных ценностей на поселениях высоких рангов, прежде всего в Гнездове.

Рассмотрим некоторые аспекты взаимоотношений раннегородского и сельского населения изучаемого региона в первой половине — середине X в., насколько они могут быть освещены по археологическим данным. Несомненно, сельские поселения, занимавшие нижний, базовый уровень иерархии, уже в силу своей относительной многочисленности играли важнейшую роль в обслуживании транзитных путей сообщения, от стабильного функционирования которых зависело благополучие раннегородского центра в Гнездове как крупнейшего «перевалочного пункта» на Пути из варяг в греки. Кроме того, гнездовская раннегородская община, насчитывавшая, как можно предполагать, не менее 1000 человек, вряд ли могла прокормить себя самостоятельно — для сельскохозяйственных угодий необходимой площади вокруг Центрального поселения просто нет места²⁰. По-видимому, положение осложнялось еще и тем, что постоянным жителям Гнездова приходилось накапливать запасы продовольствия, значительно превышавшие их собственные потребности, чтобы прокормить не только себя, но и тех, кто прибывал в город извне. В связи с этим необходимо обратить внимание на высокую вероятность сезонных колебаний численности населения Гнездова²¹. Следует подчеркнуть, что география и гидрография военно-торговых путей между средней Ловатью и верхним Днепром практически исключала их использование в летнюю межень и сильно затрудняла таковое даже в половодье (особенно учитывая, что из-за климатических причин и сильной облесенности берегов рек половодья в конце I тыс. были значительно ниже современных). Этот участок Пути из варяг в греки мог активно функционировать только зимой как сухопутный и с серьезными трудностями весной как водно-

---

²⁰ *Кирьянова Н.А., Пушкина Т.А.* Сельскохозяйственная деятельность населения древнего Гнездова // *Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008. С. 176.*

²¹ *Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) // *Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 12, 15.*

сухопутный²². Следовательно, население Гнездова резко возросло приблизительно в декабре — апреле, т. е. в самое «голодное» время года, что делало его особенно зависимым от поставок продовольствия со стороны сельского населения региона. Интересен вопрос о том, насколько вся эта деятельность была выгодна самим сельским жителям и, в частности, носителям культуры смоленских длинных курганов.

Как отмечалось выше, несмотря на резкое увеличение количества серебра в Смоленском Поднепровье в первой половине — середине X в., в погребениях КСДК оно не стало встречаться чаще, чем в VIII–IX вв. Тем не менее изделий древнерусского и скандинавского происхождения в смоленских длинных курганах найдено довольно много, не менее 70, что указывает на активные связи кривичей с ранним древнерусским населением²³. Подавляющее большинство этих находок составляют, во-первых, ножи группы IV по классификации Р.С. Минасяна²⁴ и наборные односторонние гребни, во-вторых, такие украшения, как литые трехдырчатые и ромбовидные подвески, а также плетеные цепочки, на которых носили ромбовидные подвески. Вторая группа изделий составляет около $\frac{3}{4}$ всех определимых украшений скандинавского и древнерусского происхождения в смоленских длинных курганах конца IX–X в. На сегодняшний день известно два центра производства трехдырчатых и ромбовидных подвесок: Гнездово и Городок на Ловати²⁵. При этом в материалах Гнездовского некрополя таких украшений нет, что определенно указывает на их производство специально для населения, соорудившего смоленские длинные курганы.

Другим видом товаров, которыми Гнездово торговало с носителями КСДК, по всей вероятности, является стеклянный бисер. При раскопках Центрального Гнездовского поселения найдены тысячи бисерин, особенно много за последние годы, когда культурный слой стали полностью промывать. В то же время в гнездовских курганах бисера мало: по данным В.М. Поповой конца 1970-х гг., бисер присутствует в 7 из 65 погребений с бусами (эти 7 комплексов отнесены к первой

²²Ср.: Микляев А.М. Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. науч. конф. Новгород, 1992.

²³Нефедов В.С. Смоленские кривичи и Русь: северовропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. М., 2011. Т. II. С. 75–76.

²⁴Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. Л., 1980. С. 72–74. Вып. 21.

²⁵Енисоова Н.В. Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат-лы науч. семинара. 2000. Псков, 2001. С. 212–215.

половине X в.), составляя в них несколько более 10% от общего количества бус²⁶. В смоленских длинных курганах ситуация иная: бисер присутствует почти во всех достоверных погребениях X в. с бусами, составляя от 50 до 99% всех бус. В некоторых женских погребениях КСДК бисер насчитывается многими десятками и даже сотнями. Складывается впечатление, что он был нужен жителям Гнездова в первую очередь для торговли с сельским населением региона. При этом наиболее сложные в изготовлении и дорогие разновидности стеклянных бус (мозаичные, глазчатые, с металлической прокладкой), а также бусы из полудрагоценных камней, широко представленные в Гнездове и на некоторых ранних древнерусских памятниках более низкого ранга, к носителям КСДК в X в. почти не поступали.

По-видимому, сельское население северо-западной Смоленщины в первой половине — середине X в. получало товары, которые не могло произвести само, в основном через Гнездово и менее крупные древнерусские центры региона, причем эти торговые операции, возможно, были как-то регламентированы.

Судя по имеющимся данным, в окрестностях Гнездова, на расстоянии около 40–50 км по прямой или до двух дневных переходов от него, почти полностью отсутствуют могильники КСДК с погребениями X в., что свидетельствует если не об исчезновении, то о резком сокращении числа населенных пунктов этой археологической культуры вокруг Гнездова в первой половине столетия²⁷. Этот процесс сопровождался древнерусским расселением в окрестностях раннегородского центра. Интерпретировать приведенные факты можно двояко: с одной стороны, как первый этап ассимиляции носителей КСДК древнерусским населением, с другой стороны, как следствие конфликтов, вызванных военно-административным давлением на местных жителей. В связи с этим примечательно, что на Центральном поселении Гнездова к настоящему времени найдено более 60 женских украшений, характерных для КСДК. Хотя в это число входят несомненно бракованные и недоделанные предметы, производившиеся в самом Гнездове (преимущественно трехдырчатые и ромбовидные подвески), а также привезенный из округи ювелирный лом, все же не вызывает сомнений, что кривичи постоянно посещали Гнездово и даже жили там. Однако в Гнездовском некрополе не только не найдено достоверных погребений КСДК, но и практически нет отдельных украшений

---

²⁶ *Попова В.М.* Гнездовские бусы. Дипломная работа на кафедре археологии МГУ. М., 1980. Рукопись. С. 51–52, 57.

²⁷ *Нефедов В.С.* Смоленские кривичи. С. 77.

этой культуры. По нашему мнению, такая парадоксальная ситуация может объясняться тем, что носителей КСДК попросту не хоронили в Гнездове, поскольку они не обладали там полноправным статусом и не входили в состав раннегородской общины.

Приведенные данные косвенно подтверждают наличие на изучаемой территории в X в. монополии древнерусской, преимущественно скандинавской «элиты», концентрировавшейся на верхних уровнях иерархии населенных пунктов, на внешнеторговые операции и позволяют предполагать наличие неэквивалентного обмена между нею и сельскими жителями. Такое положение могло иметь место только в условиях использования военно-административного аппарата, направленного в том числе на принуждение зависимых групп населения.

Материалы наиболее крупных древнерусских памятников (в отличие от памятников КСДК) демонстрируют хорошо выраженную социальную стратификацию. Особенно ярко она видна по материалам гнездовских курганов, что многократно отмечалось в литературе. В частности, в некрополе Гнездова выделяется маленькая группа исключительно «богатых» и сложных по структуре скандинавских погребальных комплексов середины — третьей четверти X в., известных как «большие курганы». С наибольшими основаниями к этой группе относятся 6 курганов, четыре из которых расположены в Центральном могильнике [курган 20 (В.И. Сизов, 1885 г.), курган 74 (С.И. Сергеев, 1900 г.), курган Ц-2 (Д.А. Авдусин, 1950 г.), не раскопанный курган громадных размеров, ныне наполовину разрушенный], один — в Днепровском могильнике [курган 86 (С.И. Сергеев, 1901 г.)], один — в Ольшанском могильнике [курган 24/Оль-1 (В.И. Сизов, 1896 г./ И.С. Абрамов, 1905 г. / Д.А. Авдусин, 1950 г.)]²⁸. Кроме необыкновенно больших размеров (высота от 3 до 8 м, диаметр от 25 до 37 м), они характеризуются определенным набором признаков, главные из которых: трупосожжение мужчины в дорогой парадной одежде вместе с одной или двумя женщинами, в том числе в ладье; помещение особенно престижных и сакрально значимых

---

²⁸ Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. СПб., 1902. Вып. 28. С. 8–11; Ширинский С.С. Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Гнездовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999. Ч. 1. С. 105–107; Спицын А.А. Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 46–48, 50–52; Спицын А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА РАО. СПб., 1906. Т. VIII. Вып. 1. С. 191–192; Авдусин Д.А. Отчет о раскопках гнездовских курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1957. Вып. 2. С. 158–164, 169–174.

предметов, взятых с погребального костра, а также не бывших в огне, на краю кострища или рядом с ним (в одном случае в яме под кострищем) в определенном порядке; в число этих предметов входят, во-первых, представительный набор оружия и доспехов — меч, щит, копье, скрамасакс, шлем, кольчуга или только часть из них, во-вторых, ритуальная пиршественная посуда — медный котел с костями и шкурой барана или козла, иногда также фаянсовое византийское блюдо, жертвенный нож. Со времен В.И. Сизова²⁹ эти исключительные погребальные комплексы совершенно справедливо сопоставляют с аналогичными «большими курганами» Чернигова — Гульбищем и Черной Могилой.

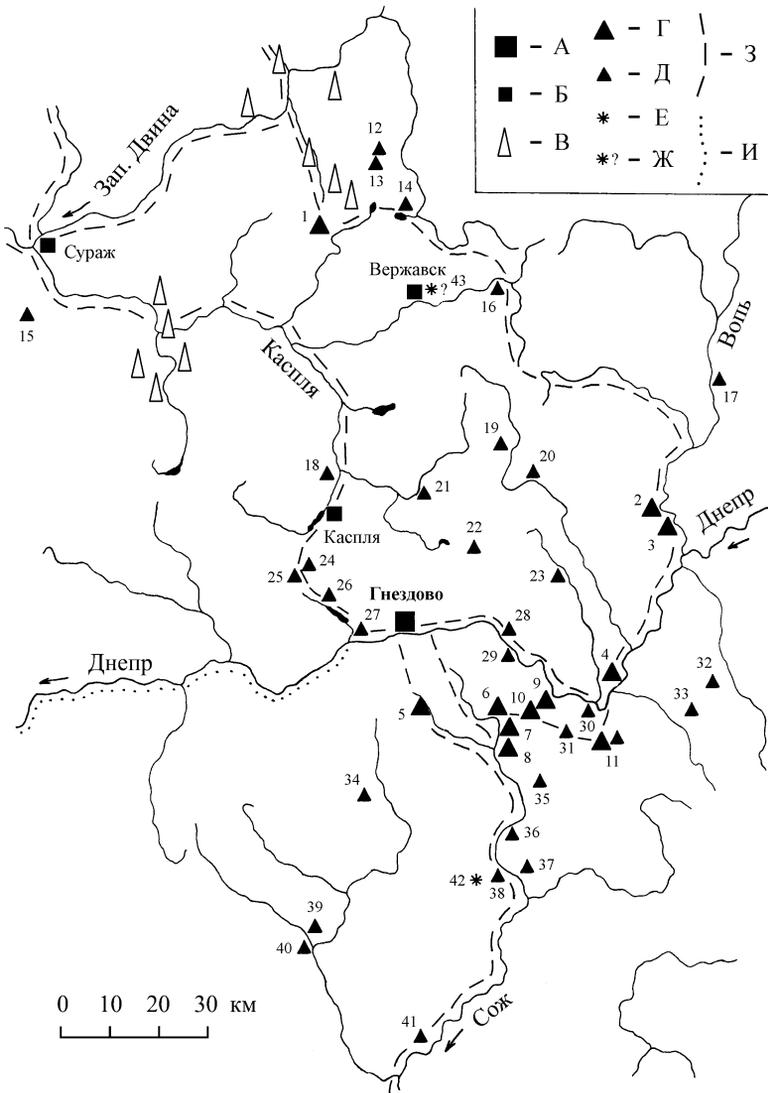
Не вызывает сомнений, что в «больших курганах» Чернигова и Гнездова были похоронены люди, обладавшие огромной сакральной и военно-административной властью. Некоторые исследователи считают их русскими князьями или членами княжеского рода³⁰. Действительно, более социально престижных курганных погребений на Руси не известно. Видимо, к середине X в. в Гнездове оформилась местная княжеская власть, субъекты которой, как можно предполагать, входили в группу лиц, упомянутых в ПВЛ под 907 г.: «по тем... городом седяху велиции князи, под Олгом суще», хотя в данном случае речь может идти о времени правления Игоря и Ольги, а не Олега. Нельзя исключить, что кто-то из смоленских князей упомянут в преамбуле русско-византийского договора 944 г.

По нашему мнению, археологические данные позволяют утверждать, что в Смоленском Поднепровье и Подвинье в первой половине — середине X в. сложилась раннегосударственная структура, обладавшая некоторой автономией внутри формирующегося Древнерусского государства. Вместе с тем говорить о независимом княжестве (наподобие Полоцка при Рогволоде) в данном случае нет оснований, поскольку это противоречит нашим представлениям об условиях стабильного функционирования Пути из варяг в греки и о политическом единстве Северной и Южной Руси. Расцвет этого социально-политического организма с центром в Гнездове (Смоленске), прообраза и территориального ядра будущей Смоленской земли, приходится на середину X в.

---

²⁹ Сизов В.И. Курганы. С. 11.

³⁰ Из последних работ см.: Петрухин В.Я. Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 368; Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. С. 250–251.

Остается неясным, контролировало ли Гнездово и подчиненная ему поселенческая структура поречье Западной Двины и микрорегионы Смоленского Подвинья, которые были заселены людьми, возводившими монументальные земляные насыпи, подобные новгородским сопкам. Относительно остальной рассматриваемой здесь территории (точнее, проходивших по ней транзитных военно-торговых путей) подобные сомнения представляются излишними.

Второй этап политогенеза: вторая половина X — первая половина XI в. (Рис. 2). Материалы раскопок Центрального Гнездовского поселения позволяют сделать вывод о том, что в третьей четверти X в. в раннегородском центре произошло катастрофическое событие. Исследования пойменной части Центрального селища с хорошо стратифицированным культурным слоем X — начала XI в., «законсервированным» под аллювиальными отложениями XVII–XX вв., позволили выделить на раскопе П-8 несколько строительных периодов (этапов). Сооружения этапа III погибли в пожаре, после которого, в начале следующего этапа IV, были произведены нивелировочная подсыпка и перепланировка исследованного участка. В сооружениях и культурном слое этапа IV появляются керамика, детали поясной гарнитуры и пиррофиллитовые («шиферные») пряслица среднеднепровского происхождения, отсутствующие в более ранних стратиграфических го-

---

Рис. 2. Смоленское Поднепровье и Подвинье во второй половине X — первой половине XI в.

А — раннегородской центр; Б — княжеские крепости; В — сопковидные курганы (названия памятников см. на рис. 1); Г — древнерусские могильники с «дружинным» и иным социально престижным погребальным инвентарем: 1 — Саки, 2 — Сельцо (Ярцево), 3 — Мизиново, 4 — Лопино (Шутовка), 5 — Кушлянщина, 6 — Сумароково, 7 — Горяны, 8 — Кошино, 9 — Березинка, 10 — Яново, 11 — Плескачи (Станьково); Д — селища / могильники древнерусского сельского населения: 12 — Ярилово, 13 — Шиши, 14 — Слобода (Пржевальское), 15 — Казимирово, 16 — Рибшево, 17 — Капыревщина (Благодатная), 18 — Семеново, 19 — Турье, 20 — Топорово, 21 — Сыр-Липки, 22 — Зыколино, 23 — Мольково, 24 — Волоковая, 25 — Гончаренки, 26 — Старое Куприно, 27 — Катынь, 28 — Колодня, 29 — Маркатушино, 30 — Верхние Немькари, 31 — Акулы (Путятинки), 32 — Левыкино, 33 — Тимошово, 34 — Васильево, 35 — Ямполье, 36 — Вердихово, 37 — Княжое (Акулинки), 38 — Светлое, 39 — Доброселье, 40 — Петрополье, 41 — Городок; Е — клад с датированными монетами: 42 — Барсуки (990-е гг.); Ж — клад восточных монет не датированный: 43 — Городище (Вержавск); З — главные маршруты военно-торговых путей; И — второстепенные маршруты военно-торговых путей.

ризонтах³¹. Я.В. Френкель на основе анализа сочетаний бус, датированных по материалам Старой Ладogi и Рюрикова Городища, отнес финал горизонта III к 950-м гг.³² Приблизительно в это же время сгорели и затем были перестроены первоначальные деревянно-земляные укрепления Центрального городища, сооруженные вскоре после возникновения Гнездова, вероятно, во второй четверти X в.³³ Эти данные указывают на то, что в третьей четверти X в. Гнездово подверглось военному разгрому.

По нашему мнению, датировку этого события можно немного скорректировать. С территории Гнездовского археологического комплекса происходит 8 опубликованных кладов, содержащих восточные монеты. Т.А. Пушкина разделила эти клады (тогда их было найдено 7) по датам младших монет на три хронологические группы: 920-х, 940–950-х и 960-х гг.³⁴ Нам представляется более логичным выделить две типохронологические группы: а) 3 монетных клада 923/924–943/944 гг. (находки 1966/75, 2010, 1973 гг.); б) 5 монетно-вещевых кладов 948/949–960/961 гг. (находки 1870, 1993, 1867, 1909, 1885 гг.). Т.А. Пушкина доказала, что первые гнездовские клады, найденные в 1867 и 1870 гг., являются наименее достоверными по составу, в том числе с заведомо неполным или измененным набором монет³⁵. Поэтому, в частности, в кладе 1870 г. с сохранившейся младшей монетой 948/949 г. могли содержаться дирхемы последующих годов чеканки. Кроме того, отмечалось, что клад 1993 г. с младшей монетой 950/951 г. близок по составу и истории формирования его монетной части Звеничевскому кладу с младшей монетой 957 г.³⁶ Из сказанного следует, что клады второй группы хронологически очень компактны, период их окончательного формирования может охватывать менее десятилетия в 50-х — начале 60-х гг. X в.

Таким образом, клады второй группы, содержавшие литые и фи-

³¹ *Мурашева В.В., Енисова Н.В., Фетисов А.А.* Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 47, 69–70.

³² *Френкель Я.В.* Опыт датирования пойменной части поселения на основании анализа стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 97–99.

³³ *Пушкина Т.А.* Гнездовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX–XI вв.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 7–8.

³⁴ *Пушкина Т.А.* Нумизматические материалы из раскопок Гнездова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 411–412.

³⁵ *Пушкина Т.А.* Первые Гнездовские клады: история открытия и состав // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 373–374, 376.

³⁶ *Фомин А.В.* Куфические монеты Гнездовского клада // ДГ. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 191–192.

лигранные серебряные украшения скандинавского и южнорусского происхождения и, в отличие от кладов первой группы, представляющие собой сокровища гнездовской аристократии, могли быть сокрыты (точнее, не изъяты из-за гибели их владельцев) в результате одного и того же события. Это катастрофическое событие, по-видимому, и следует понимать как военный разгром Гнездова, который произошел в первой половине 960-х гг. и сопровождался уничтожением высшего слоя гнездовской «элиты». Столь крупная военно-политическая акция могла быть осуществлена только по инициативе киевского князя и, вероятно, имела целью прямое подчинение Смоленска и его округи властям Киева. Нетрудно заметить, что, согласно предложенной датировке, эта акция приходится на первые годы самостоятельного правления Святослава, не отмеченные в ПВЛ какими-либо событиями. В связи со сказанным обратим внимание на гипотезу Н.И. Платоновой, в соответствии с которой 22 «князя» или «архонта» Руси, чьи представители упомянуты наряду с послами Игоря, Ольги и Святослава в русско-византийском договоре 944 г. и протоколах приемов Ольги в Константинополе в 946 или 957 г. и, напротив, не упомянутые в русско-византийском договоре 971 г., были устранены с политической сцены в 50-х — 60-х гг. X в.³⁷ Приведенные данные хорошо согласуются с этой гипотезой.

После разорения раннегородской центр в Гнездове был немедленно восстановлен, на следующие десятилетия приходится его расцвет, фиксируемый по археологическим данным. По-видимому, новая «элита», управлявшая городом и его округой в период господства киевской администрации, представлена богатыми скандинавами, погребенными в камерных могилах, которые в совокупности датируются второй половиной X в. По основаниям столбов из двух камерных погребений Гнездовского некрополя получены дендродаты 975 и 979 гг.³⁸

Большие перемены произошли в это время и за пределами Гнездова. Примерно в третьей четверти X в. перестал существовать целый ряд населенных пунктов, в том числе тех, которые играли важнейшую роль в инфраструктуре военно-торговых путей. Во-первых, это археологические комплексы Новоселки, Рокот и Шишкино, занимавшие в предшествующий период второй сверху уровень в иерархии поселений Смоленского Поднепровья и Подвинья. Во-вторых, это существо-

³⁷ Платонова Н.И. Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // ВЕДС. IX Чтения памяти В.Т. Пашуто. Мат-лы конф. М., 1997. С. 72–73.

³⁸ Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 203.

вавшие в X в. поселения культуры смоленских длинных курганов — Заозерье, Шугайлово, Михейково и др. Трудно сказать, действительно ли все эти населенные пункты погибли одновременно (и одновременно ли с разгромом Гнездова) или прекратили существовать в течение 1–2 десятилетий, но несомненно, что инфраструктура транзитных коммуникаций в Днепро-Двинском междуречье в том виде, в котором она сложилась в конце IX — первой половине X в., оказалась разрушенной. Кстати, финал поселения в Новоселках может отмечать клад у д. Дубровка, содержащий около 200 дирхемов, младшие из которых чеканены между 954 и 961 гг.³⁹

На смену «локальным» центрам предшествующего периода в Днепро-Двинском междуречье во второй половине X — начале XI в. приходит система «городков», расположенных в бассейне р. Каспля и, к сожалению, археологически исследованных только разведками. В их число входят Сураж при впадении Каспли в Западную Двину, Каспля при истоке реки из оз. Касплянское и Вержавск в среднем течении р. Гобза. Приблизительная площадь этих городищ, соответственно, 1300, 1800 и 4500 кв. м. В их культурном слое найдена древнерусская раннекруговая керамика, а на Суражском городище — также лепная, характерная для КСДК, но бытовавшая в изучаемом регионе до XI в. включительно⁴⁰. Своими масштабами выделяется Вержавск, который представляет собой археологический комплекс, включающий также селище — остатки древнерусского посада — и курганный могильник. Такая структура комплекса, типичная для более ранних «локальных» центров, могла сформироваться не позднее конца X — начала XI в. По устному сообщению Е.А. Шмидта, на Вержавском городище найден недатированный клад восточных монет. Остатки посадов известны также в Сураже и Каспле. Вержавск и Каспля упомянуты в Уставе 1136 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича в качестве волостных центров⁴¹. Вероятно, такой же статус был у Суража, но в составе Полоцкой земли, хотя в древнерусских источниках он не упоминается. По-видимому, эти укрепленные поселения были основаны как княжеские крепости (но не погосты), осуществлявшие государственный контроль над важнейшими путями и некоторыми ответвлениями от них. Таким образом, в изучаемом регионе впервые появи-

³⁹Марков А.К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. С. 42.

⁴⁰Нефедов В.С. Городища X в. и начало «окняжения» территории Смоленского Подвинья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 251–252.

⁴¹Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. М., 1976. С. 141, 143.

лись населенные пункты, которым предстояло играть важную роль в административно-территориальных структурах XI—XIV вв.

Строительство княжеских крепостей в бассейне Каспли, осуществленное если не одновременно, то в течение нескольких десятилетий, свидетельствует о том, что со второй половины X в. или, вероятнее, с последней трети столетия путь по Каспле на всем протяжении реки стал одним из основных в регионе. В то же время с исчезновением Рокота и Заозерья путь по рекам Рутавечь и Клец, очевидно, перестал активно функционировать. «Восточный» вариант пути между Днепром и Западной Двиной в рассматриваемый период продолжал сохранять большое значение. Местоположение Вержавска позволяло ему контролировать участок этого маршрута в верховьях Гобзы наравне с путем по Каспле в ее среднем течении.

Ситуация на левобережье Днепра не претерпела во второй половине X — начале XI в. серьезных изменений. Продолжал функционировать путь по Сожу с установившимися ранее вариантами перехода из Сожа в Днепр; такие важные населенные пункты, как Березинка и Кушлянщина, существуют до XI в. включительно, но уже как древнерусские поселения с присутствием в X в. скандинавов. В верховьях Сожа известен единственный на Смоленщине монетный клад конца X — начала XI в. у д. Барсуки⁴².

Исчезновение в третьей четверти X в. на изучаемой территории культуры смоленских длинных курганов не привело к демографическому спаду. Наоборот, во второй половине X — начале XI в. резко возрастает количество древнерусских неукрепленных поселений. Особенно много их возникло в бассейнах верхнего Сожа и смоленского течения Днепра, что указывает на увеличившийся приток славянского (древнерусского) населения из более южных районов Поднепровья. Древнерусские могильники этого периода, расположенные на военно-торговых путях или рядом с ними, зачастую близки по культуре позднему Гнездову. Таковы Сельцо, Мизиново, Лопино, Березинка, Кушлянщина, Сумароково, Горяны, Кошино, Яново, Плескачи (Станьково) и др. В некоторых погребениях этих некрополей найдены предметы вооружения и снаряжения всадника, различные привозные изделия (в том числе скандинавские), а также дорогие украшения⁴³. Все это подчеркивает высокий социальный статус погребенных и не

---

⁴² Лебедев В.П., Галанов В.И. Два клада куфических дирхамов и их фрагментов из-под Смоленска // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Донецк, 2005. Т. 4. С. 423–426, 430.

⁴³ Ляуданскі А.М. Археолёгічныя досьледы. С. 281; Енуков В.В. Ранние этапы. Рис. 44, 45; Енисова Н.В., Нефедов В.С. Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под

позволяет считать их рядовыми сельскими жителями. Большинство погребений такого рода концентрируется в верховьях Сожа и на переходах с него в Днепр, что демонстрирует особенно важное значение южного направления торговых и политических связей Смоленского Поднепровья в рассматриваемый период. В целом система расселения в изучаемом регионе по-прежнему характеризуется сложной иерархией населенных пунктов.

Вопрос о времени, причинах и обстоятельствах прекращения существования Гнездова как раннегородского центра остается пока трудноразрешимым. Впрочем, исследования пойменной части Центрального селища позволяют немного уточнить датировку финала Гнездова. На раскопе П-2 из нижнего горизонта культурного слоя (горизонт 5), представляющего собой заполнение естественной заболоченной ложбины, получена серия дендродат, самая поздняя (и самая надежная) из которых — 1002 г.⁴⁴ Выше залегало три стратиграфических горизонта общей мощностью до 0,5 м, двум верхним из которых (горизонты 3 и 2) соответствуют два строительных периода непосредственно на исследованном участке. Материалы из этих горизонтов типичны для «классического» Гнездова и не указывают на какие-либо существенные изменения в культуре и характере поселения по сравнению со второй половиной X в. Постройки горизонта 2 погибли в пожаре, после которого активная деятельность в этом месте прекратилась⁴⁵. Приведенные данные, по нашему мнению, не позволяют датировать финал раннегородского периода истории Гнездова временем ранее 20-х — 30-х гг. XI в. Безусловно прав был А.А. Спицын, когда относил его к эпохе Ярослава⁴⁶.

В настоящее время нет оснований утверждать, что Центральное Гнездовское поселение переживало на рубеже X–XI вв. и в начале XI в. период упадка. Имеющиеся данные свидетельствуют скорее об очень быстром, возможно, моментальном прекращении существования Гнездова как раннего древнерусского города. Вместе с тем остается неясным, как это произошло: в результате насильственного уничтожения или более или менее мирного «переноса» города на новое место. Финальный пожар, выявленный на раскопе П-2, как будто ука-

---

Смоленском // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 111; *Ширинский С.С.* Курганы IX — начала XI в. в верховье р. Сожа 1.

⁴⁴*Мурашева В.В., Авдусина С.А.* Исследования притеррасного участка пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 12–13, 26.

⁴⁵Там же. С. 17.

⁴⁶*Спицын А.А.* Гнездовские курганы. С. 8.

зывает на вероятность первого сценария, однако неизвестно, был ли этот пожар тотальным. Надеемся, на этот вопрос помогут ответить результаты новых раскопок в пойменной части Центрального селища и на Центральном городище.

Исходя из высокой вероятности того, что финал Гнездова был все же событием, а не процессом, было бы заманчиво связать его с какими-то действиями в период междукняжеских войн 1015–1026 гг., тем более что один эпизод этих междоусобиц — убийство князя Глеба в 1015 г. — прямо связывался в конце XI — начале XII в. со Смоленском. По-видимому, первоначальный Смоленск перестал существовать после 1021 г., когда, согласно Софийской I летописи, Ярослав передал полоцкому князю Брячиславу города Витебск и Усвят⁴⁷. В результате сформировалась восточная граница Полоцкого княжества в Днепродвинском междуречье, т. е. к Полоцку отошел еще и Сураж вместе с нижним течением Каспли. Возможно, из-за этого стабильное функционирование транзитного пути, проходившего по Усвяче и Каспле, с которым Гнездово было связано наиболее тесно, оказалось под угрозой, хотя Брячислав с 1021 г. и до конца жизни неуклонно следовал наказу своего дяди: «Буди же со мною заодин». Нельзя исключать и того, что между исчезновением первоначального Смоленска и возникновением нового (в 12 км выше по Днепру) прошло довольно продолжительное время. На эту мысль наводит резкое несоответствие масштабов и политического значения первого и второго населенного пункта. Действительно, после учреждения Смоленского княжества в 1054 г. на его престол сажали одного за другим самых младших и быстро умиравших сыновей Ярослава — Вячеслава и Игоря, которые не являлись самостоятельными политическими фигурами. После смерти Игоря (1060 г.) в Смоленске свыше 15 лет вообще не было своего князя⁴⁸. Несмотря на интенсивные раскопки в историческом центре города, Смоленск середины — третьей четверти XI в. не удалось обнаружить ни к началу 1990-х гг.⁴⁹, ни сегодня. Очевидно, «город» того времени (находившийся, надо полагать, уже на современном месте) был довольно скромным поселением, что заставляет сомневаться в его непосредственной преемственности по отношению к раннегородскому центру в Гнездове.

Судя по всему, в первой половине XI в. система расселения и сло-

---

⁴⁷ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 5. Софийская первая летопись. С. 134.

⁴⁸ Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 195.

⁴⁹ Авдусин Д.А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 7.

жившаяся поселенческая структура в Смоленском Поднепровье и Подвинье не претерпела существенных изменений, что составляет сильный контраст с ситуацией третьей четверти X в. В частности, ранние труположения, появившиеся в сельских курганных могильниках, находятся преимущественно на тех же памятниках, что и древнерусские курганы с трупосожжением (Катынь, Саки, Слобода (Пржевальское), Сельцо, Мизиново, Мольково, Маркатушино, Плескачи (Станьково), Березинка, Кушлянщина и др.). Население продолжало концентрироваться к югу от Днепра и в восточной части Днепро-Двинского междуречья, что, возможно, подтверждает снижение роли Каспийского пути во второй четверти XI в. Очевидно, к этому времени в основном сформировалась территориальная и демографическая основа центральных районов Смоленской земли.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что процесс политогенеза в Смоленском Поднепровье и Подвинье начался по крайней мере на полтора столетия раньше «официальной» даты образования Смоленского княжества. Сама дата 1054 г. может рассматриваться только как начало третьего этапа этого процесса. Поэтому невозможно согласиться с мнением Л.В. Алексеева о том, что «по сравнению с соседней, также кривичской Полоцкой землей, Смоленская земля вышла на арену истории почти на столетие позднее»⁵⁰. Напротив, отчетливо фиксируемая по археологическим данным раннегосударственная структура сформировалась в регионе уже к середине X в. и интенсивно развивалась на протяжении последующего столетия.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д.А. Отчет о раскопках гнездовских курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1957. Вып. 2.

Авдусин Д.А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово. М., 1991.

Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М., 1989.

Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980.

АКР. Смоленская область. М., 1997. Ч. 1–2.

Белоцерковская И.В. К вопросу о полусферических курганах с трупосожжением на территории Смоленской земли // ВМУ. 1975. № 5.

---

⁵⁰ Алексеев Л.В. Смоленская земля. С. 255.

- Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
- Военно-статистическое обозрение Российской Империи. СПб., 1852. Т. VIII. Ч. 2. Смоленская губерния.
- Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. М., 1976.
- Ениосова Н.В.* Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнёздове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат-лы науч. семинара. 2000. Псков, 2001.
- Ениосова Н.В., Нефедов В.С.* Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под Смоленском // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 111.
- Енуков В.В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М., 1990.
- Еремеев И.И.* К вопросу о южной границе области распространения сопок. Сопки Двинско-Ловатского междуречья // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1999. Вып. 3.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб., 2010.
- Каменецакая Е.В.* Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Кирьянова Н.А., Пушкина Т.А.* Сельскохозяйственная деятельность населения древнего Гнездова // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008.
- Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.
- Лебедев В.П., Галанов В.И.* Два клада куфических дирхамов и их фрагментов из-под Смоленска // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2005. Т. 4.
- Лесман Ю.М.* «Из Варяг в Греки»: хронологические варианты пути // Староладожский сборник. Санкт-Петербург; Старая Ладога, 2003. Вып. 6.
- Ляўданскі А.М.* Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губ. // Працы археолёгічнай камісіі. Менск, 1930. Т. 2.
- Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.
- Микляев А.М.* Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. науч. конф. Новгород, 1992.

Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. Л., 1980. Вып. 21.

Мурашева В.В., Авдусина С.А. Исследования притеррасного участка пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Нахапетян В.Е., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах, обнаруженных в Европе в IX–X вв. // ДГ. 1991 год. М., 1994.

Нефедов В.С. Данные о системе земледелия культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1996. Вып. 10.

Нефедов В.С. О присутствии северо-западного населения в Днепро-Двинском междуречье в конце I тыс. н. э. (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1997. Вып. 11.

Нефедов В.С. Городища X в. и начало «окняжения» территории Смоленского Подвинья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород., 1998. Вып. 12.

Нефедов В.С. О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат-лы науч. семинара. 1996–1999. Псков, 2000.

Нефедов В.С. Новосёлки и Гнёздово // XIV конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Архангельск, 2001.

Нефедов В.С. Салтовские древности в смоленских длинных курганах // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2002. № 17.

Нефедов В.С. Городище Рокот в структуре синхронных поселений Днепро-Двинского междуречья // XV конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М., 2004. Ч. 1.

Нефедов В.С. Смоленские кривичи и Русь: североевропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. М., 2011. Т. II.

Нефедов В.С. Археологический комплекс IX–X вв. у д. Шишкино (Городок) в Смоленском Поднепровье (в печати).

Нефедов В.С., Мурашева В.В. Модель для изготовления поясных бляшек «восточного» облика с городища Рокот в Смоленской области // КСИА. М., 2008. Вып. 222.

Петрухин В.Я. Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998.

Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I.

Платонова Н.И. Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // ВЕДС. IX Чтения памяти В.Т. Пашуто. Мат-лы конф. М., 1997.

ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 5. Софийская первая летопись.

Попова В.М. Гнездовские бусы. Дипломная работа на кафедре археологии МГУ. М., 1980. Рукопись.

Пушкина Т.А. Гнездовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX–XI вв.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Пушкина Т.А. Первые Гнездовские клады: история открытия и состав // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998.

Пушкина Т.А. Нумизматические материалы из раскопок Гнездова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.

Пушкина Т.А., Стукалова Т.Ю. Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнездова // От палеолита до средневековья. М., 2011.

Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. СПб., 1902. Вып. 28.

Спицын А.А. Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15.

Спицын А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА РАО. СПб., 1906. Т. VIII. Вып. 1.

Фомин А.В. Куфические монеты Гнездовского клада // ДГ. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996.

Френкель Я.В. Опыт датирования пойменной части поселения на основании анализа стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Ширинский С.С. Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Гнездовский могильник. М., 1999. Ч. 1. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ).

Ширинский С.С. Курганы IX — начала XI вв. в верховье р. Сож у дд. Кушляница и Кошино // Смоленские древности. Смоленск, 2001. Вып. 1.

Шмидт Е.А. Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском районе // СА. 1958. № 3.

Шмидт Е.А. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М., 1968.

Шмидт Е.А. Раскопки в Смоленской области // АО 1968 года. М., 1969.

Шмидт Е.А. Курганный могильник у пос. Новоселки // Смоленские древности. Смоленск, 2005. Вып. 4.

Шмидт Е.А. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков. Смоленск. 2008.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются ранние этапы политогенеза (конец IX — первая половина XI в.) на территории центральных районов Смоленской земли. В IX в. регион был заселен носителями культуры смоленских длинных курганов — кривичами письменных источников. В конце IX — первой половине X в. там сформировалась инфраструктура транзитных военно-торговых коммуникаций, являвшихся частью Пути из варяг в греки. На основе иерархической системы поселений во главе с раннегородским центром в Гнездове (древний Смоленск) к середине X в. сложилась автономная раннегосударственная структура, входившая в состав Древнерусского государства (первый этап политогенеза в изучаемом регионе). В третьей четверти X в. эта раннегосударственная структура была уничтожена, а регион непосредственно подчинен киевской администрации. В последней трети X — начале XI в. Гнездово под властью киевских наместников продолжало процветать, в Смоленском Подвинье была создана система княжеских крепостей, регион активно заселялся выходцами из более южных районов Поднепровья (второй этап политогенеза). Во второй четверти XI в. Гнездово внезапно прекратило существовать в качестве раннего древнерусского города, но было ли это следствием переноса города на современное место, остается неясным. К этому времени в основном сформировалась система поселений, которая стала территориальной и демографической основой Смоленского княжества в XI в.

Ключевые слова: Смоленское Поднепровье и Подвинье, Гнездовский археологический комплекс, Путь из варяг в греки, культура смоленских длинных курганов, древнерусская культура, политогенез.

ABSTRACT

The article deals with the early stages of state-formation processes (late ninth to the first half of the eleventh century) in the central part of the Smolensk land. In the ninth century the region was inhabited by population belonging to the Smolensk long-barrows archaeological cultures defined as the Krivichis. In the late ninth and the first half of the tenth century there emerged the infrastructure of transit trade communications which constituted a part of the Route from the Varangians to the Greeks.

On the basis of a hierarchically organized system of settlements with Gnezdovo (ancient Smolensk) as its focal urban centre an autonomous early-state structure had developed as a part of the Old Russian state by the mid-tenth century. This early polity was destroyed and the region was directly subordinated to the Kievan administration in the last third of the tenth century. Under the authority of the Kievan governors Gnezdovo continued to flourish. A net of princely castles was created in the Dvina–Dnieper interfluvium and the area started to be settled by newcomers from the southern parts of the Dnieper region. In the second quarter of the eleventh century Gnezdovo suddenly stopped to exist as an early Old Russian town, but whether this was due to its transfer to the modern site of Smolensk remains unclear. By this time the settlement pattern which became the territorial and demographic basis of Smolensk principality in the eleventh century had mainly formed,

Key words: the Dvina and Dnieper Smolensk regions, Gnezdovo archaeological complex, Route from the Varangians to the Greeks, the archaeological culture of Smolensk long barrows, Krivichis, state formation.